

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 2, pp. 330–357, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-330–357
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(47).084.8

Калмыки-военнослужащие Красной армии в Широклаге: статистическое исследование

Уташ Борисович Очиров¹, Валентина Николаевна Воробьева²

¹ Калмыцкий научный центр РАН
 (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник
 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН
 (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник
 0000-0003-1527-7021. E-mail: valenti9708@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена воинам-калмыкам рядового и сержантского состава, которые в 1944–1945 гг. оказались в Широковском исправительно-трудовом лагере НКВД СССР (Широклаг). После несправедливого решения о ликвидации Калмыцкой АССР и высылке калмыцкого народа в Сибирь в декабре 1943 г. более 2/3 калмыков-военнослужащих Красной армии из числа рядовых и сержантов, уцелевших к тому времени, были направлены в Широклаг. Там из них были составлены два национальных строительных батальона, в которых калмыки служили в качестве «трудармейцев». Тяжелый физический труд почти без всяких средств механизации, сложные климатические условия, непосильные нормы выработки и скудное питание привели к массовому истощению калмыков-красноармейцев, их высокой заболеваемости и смертности. *Цель* статьи — осуществить статистический анализ сведений о воинах-калмыках, находившихся в Широклаге. *Материалы и методы.* Основой для специально составленной базы данных послужил аннотированный список широклаговцев, опубликованный в 2000 г. под названием «Широклаг. Широкстрой». Анализ осуществлялся по следующим категориям: национальность, место (район) рождения, место (военкомат) призыва, год рождения, уровень образования, партийность, заболевания, приведшие к смерти и инвалидности, боевые награды, время прибытия в Широклаг, время и регионы убытия уцелевших широклаговцев. *Результаты.* В ходе анализа выяснилось, что справочник включает в себя, помимо калмыков, представителей других национальностей, имеет ряд неточностей, при этом некоторые калмыки-широклаговцы в него не попали. Тем не менее данный аннотированный справочник предоставляет огромный массив статистической информации по указанным категориям, обработка которых дает большие возможности для анализа массового источника и составления коллективного портрета калмыков-широклаговцев. В силу своей массовости этот портрет вполне репрезентативен как портрет калмыков-фронтовиков на третьем этапе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Красная армия, Калмыцкая АССР, национальные подразделения, калмыки, политические репрессии, Широклаг

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Очиров У. Б., Воробьева В. Н. Калмыки-военнослужащие Красной армии в Широклаге: статистическое исследование // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 330–357. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-330–357

UDC 94(47).084.8

Kalmyk Red Army Soldiers in Shirokovsky Forced Labor Camp: a Statistical Survey

Utash B. Ochirov¹, Valentina N. Vorobyova²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS

(8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS

(8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0003-1527-7021. E-mail: valenti9708@gmail.com

Abstract. *Introduction.* The article deals with Kalmyk soldiers and non-commissioned officers deported to Shirokovsky Forced Labor Camp (Shiroklag) of the Soviet NKVD in 1944–1945. In the aftermath of the unjust abolition of the Kalmyk ASSR and Siberian deportation of its titular ethnos, over two-thirds of surviving Red Army soldiers and sergeants of Kalmyk descent were sent to Shiroklag where they formed two non-Russian construction battalions henceforth referred to as ‘labor army men’. Hard work without any essential mechanic means or labor saving devices, harsh climate, backbreaking output norms, and meagre meals resulted in mass exhaustion of Kalmyk soldiers, high disease and death rates. *Goals.* The paper presents a statistical analysis on Kalmyk inmates of Shiroklag. *Materials.* The compiled database utilizes the annotated list of Shiroklag prisoners published under the title ‘Shiroklag. Shirokstroy’ in 2000. The data are analyzed by categories, such as nationality, place (district) of birth, place of conscription (draft board), year of birth, educational level, party membership, diseases that caused death or disability, battle honors, time of arrival in Shiroklag, time and areas of decommissioning (for survivors). *Results.* The analysis reveals the reference book mentions representatives of other nationalities and contains some mistakes, leaving aside names of some Shiroklag ex-prisoners. However, the annotated list is a bulk of statistical data on the mentioned categories that makes whatsoever analysis possible and helps compile a collective portrait of Shiroklag-based Kalmyks which — being essentially extensive — may be actually instrumental in outlining features of Kalmyk combat veterans during the third stage of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War of 1941–1945, Red Army, Kalmyk ASSR, non-Russian units, Kalmyks, political repressions, Shiroklag

Acknowledgments: The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes’ (state reg. no. АААА-А19-119011490038-5).

For citation: Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Kalmyk Red Army Soldiers in Shirokovsky Forced Labor Camp: a Statistical Survey. *Oriental Studies*. 2020; Vol. 13(2): 330–357 (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-330–357

В 1920–1940-е гг. одной из особенностей национальной политики И. В. Сталина в СССР были принудительные переселения народов, когда некоторые этносы или их части подвергались выселению с привычных мест обитания и перемещались в отдаленную и непривычную для них, часто рискованную среду обитания. Причины для таких переселений были разные, но в принципе их можно свести к двум группам. Первую группу составляли так называемые «превентивные» депортации, которым подвергались в основном этносы, имевшие за рубежом крупные диаспоры или свои государства (немцы, поляки, финны-ингерманландцы, турки-месхетинцы, курды, хемшилы, греки, болгары, корейцы и т. д.). По всей видимости, руководство страны опасалось, что в случае гипотетического нападения этих народов на СССР их советские соплеменники якобы могут поддержать агрессоров, стать «пятой колонной».

Вторую группу составили так называемые «карательные» депортации, когда этносы подвергались выселению в качестве наказания. Большая часть принудительных переселений произошла в годы Великой Отечественной войны, как правило, по огульному обвинению всего народа за якобы сотрудничество с оккупантами. Среди них оказались и калмыки, основная часть которых была депортирована 28 декабря 1943 г.

К тому времени калмыцкий народ насчитывал в рядах Красной армии почти 26 тыс. своих сыновей и дочерей. Если учесть, что по Всесоюзной переписи 1939 г. в СССР проживало 134 тысячи калмыков [Всесоюзная перепись 1992: 57], то получается, что на фронт был отправлен почти каждый пятый, т. е. почти все мужское население. В годы войны более 9 тыс. калмыков погибло, более 8 тыс. — ранены, более 4 тыс. — попали в плен (в основном, в 1941–1942 гг.) [Максимов 2010: 346].

Тысячи воинов-калмыков были отмечены за свои подвиги боевыми наградами, вплоть до Золотых Звезд Героев Советского Союза. Характерный штрих: среди кал-

мыков, оставшихся на фронте во 2-й половине 1944 – 1-й половине 1945 гг., каждый сороковой офицер (9 из 335) был награжден «полководческим» орденом (Суворова, Кутузова или Александра Невского), почти каждый сороковой рядовой или сержант (56 из 2 432) — орденом Славы [Очи-ров 2016: 235–236; Очилов 2018].

Несмотря на все это, калмыки были огульно обвинены в предательстве и в декабре 1943 г. высланы на спецпоселение в Сибирь. Из-за поспешности и непродуманности операции по выселению, нераспорядительности должностных лиц, равнодушия многих руководящих органов к судьбам спецпереселенцев калмыки оказались в тяжелейших социально-экономических условиях, которые обрекли их на колоссальные демографические потери (в 1944–1948 гг. умерла примерно треть от числа выселенных).

Наказанию подверглись и большинство калмыков, служивших в Вооруженных силах СССР (на 1 января 1944 г. в составе Красной армии значился 6 891 калмык [Максимов 2010: 345]). 8 января 1944 г. начальник Главного управления формирования и укомплектования Красной армии генерал-полковник И. В. Смородинов отдал распоряжение о снятии калмыков-военнослужащих с фронтов. Многие фронтовые командиры, не желавшие расставаться с опытными ветеранами, всеми правдами и неправдами старались сохранить калмыков в своих частях. В ряде случаев они добились разрешения на оставление калмыков на фронте, в некоторых случаях калмыкам в документах меняли национальность и место призыва. К началу 1945 г. в Красной армии продолжало служить 2 205 калмыков.

Часть офицеров, сержантов и рядовых, являвшихся инвалидами войны, имевших серьезные ранения или заболевания, была демобилизована и отправлена к семьям, на спецпоселение. Всего в течение 1944 г. демобилизовали 45 офицеров, 107 сержантов, 498 рядовых [Максимов 2010: 345–346]. 57 офицеров направили на службу в тыловые округа. Однако большая часть калмы-

ков-сержантов, рядовых и курсантов оказалась направлена в 7-ю запасную стрелковую бригаду в г. Кунгур, откуда их передали «для трудового использования в Широковский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР» (цит. по: [Широклаг 2000: 4]), больше известный как Широклаг.

Широковский лагерь был создан НКВД для строительства Широковской ГЭС согласно постановлению ГКО от 5 ноября 1942 г. № 2484с «О строительстве средних и малых гидроэлектростанций первой очереди на реках Урала». Несмотря на возражения экономистов, указывавших на высокие капитальные затраты этого и других аналогичных проектов, ГКО санкционировал строительство на Урале 3 средних и 15 малых ГЭС общей мощностью 113 МВт, приказав ввести их в строй в 1943–1944 гг. (Широковская ГЭС должна была быть запущена в эксплуатацию в декабре 1943 г.). Ответственность за строительство была возложена на НКВД (нарком Л. П. Берия), наркомат электростанций (нарком Д. Г. Жимерин) и наркомат строительства (нарком С. З. Гинзбург) [Постановление 1942].

При этом основная работа легла на НКВД, имевший собственный институт «Гидропроект». Вскоре стало ясно, что ресурсов для их строительства недостаточно, поэтому было решено сосредоточиться на строительстве одной средней (Широковской) и четырех малых ГЭС [<http://blog.rushydro.ru/?p=228>].

По сведениям бывшего военнослужащего войск НКВД Закавказского округа Ц. Х. Бамбышева, сославшегося на свидетельство местного инженера-гидростроителя, Широковская ГЭС создавалась для обслуживания лагерей и колоний, поэтому оказалась в ведении НКВД [Широкстрой 1994: 33].

Основной рабочей силой в Широклаге были заключенные и советские немцы, депортированные из мест проживания и мобилизованные в «трудовые колонны». С марта 1944 г. к ним присоединились калмыки, служившие в Красной армии и направленные в Широклаг на правах «трудоармейцев» (формально не демобилизованные). С 1945 г. на строительство Широковской ГЭС стали прибывать прибалты, насильно высланные из родных мест.

В Широклаге калмыки зачислялись в состав 1-го и 2-го строительных батальонов, которые фактически являлись национальными подразделениями, правда, в названиях этот статус никак не отразился. Батальоны делились на роты, взводы и отделения, при этом на должности командиров рот, взводов, отделений, начальников штаба батальонов, замполитов рот и батальонов, парторгов и комсorghов назначались калмыки — рядовые и сержанты. Командирами батальонов сначала были офицеры НКВД — старшие лейтенанты (затем капитаны) Рябов и Постников. В октябре 1944 г. Постников был переведен на другую работу, и командиром 2-го строительного батальона сначала назначили К. Д. Тугульчиева (кавалериста 110-й Калмыцкой кавдивизии, а затем 4-го Кубанского казачьего кавкорпуса, кавалера ордена Славы III степени) [Широклаг 2000: 228], а после его демобилизации в декабре 1944 г. — Л. Т. Теленгидова (защитника Ленинграда и курсанта Смоленского артиллерийского училища).

Калмыки-широклаговцы продолжали считаться военнослужащими, в подразделениях был сохранен армейский распорядок, функционировали комсомольские и партийные организации, исправно собиравшие членские взносы. В подразделениях объявлялись социалистические соревнования, на партийных собраниях обсуждались разные вопросы (например, осуждались калмыки, совершившие побег из Широклага), военнослужащим могли выносить выговоры и благодарности, в том числе за хороший внешний вид, выполнение распорядка дня, отношение к политическим занятиям, работу по оборудованию стрельбища, переборку картофеля, совершение марша и т. д. [Широкстрой 1994: 4–5; Широклаг 2000: 69].

Калмыки-широклаговцы жили в бараках с двух- или трехъярусными нарами (в которых ранее жили немцы), при этом их лагерь не был огорожен колючей проволокой и вышками с охранниками. Охрана лагеря возлагалась на самих широлаговцев. На строительные работы калмыки ходили без конвоя [Широкстрой 1994: 9].

Гипотетически широлаговцы из 1-го и 2-го строительных батальонов могли сбежать из лагеря, но на ежедневной проверке их отсутствие быстро выявлялось, и беглецов объявляли в розыск. Территория

была окружена несколькими обычными «зонами» под охраной войск НКВД (301-я колония для политзаключенных, лагерь для немцев Поволжья, женские колонии и др.) [Широкстрой 1994: 54]. Кроме того, возможности для побега были ограничены особенностями местности. Впрочем, к теме побегов мы вернемся чуть позже.

На строительстве ГЭС калмыки использовались, как правило, на самых тяжелых работах, не требующих квалификации: на рытье котлована, которое осуществлялось вручную из-за отсутствия средств механизации, на взрывных работах, укладке плотины, в бетонных цехах и кирпичном заводе, валке леса, строительстве железной дороги.

Ш. М. Налаев (в 16 лет добровольцем записавшийся в 110-ю Калмыцкую кавдивизию, а в Широκлаге работавший писарем 2-го батальона) позже вспоминал об этом так: «немцы народ мастеровой, они работали в основном на производственных предприятиях, бетонных заводах, трактористами, шоферами, арматурщиками, плотниками, столярами, слесарями, врачами, техниками, инженерами... они были основным костяком этого строительства, и их берегли. Среди калмыков таких специалистов не было, в лучшем случае, учителя, зоотехники, ветврачи, а в „прочем“ указывали специальность чабан, табунщик, рыбак, рабочий рыбного промысла, бухгалтер. Не было ни одного инженера, электрика... Им была прямая дорога на земляные, взрывные работы в карьерах, на переноску на тачках бетонного раствора, на рытье шурфов, грузчиками...» [ПМА: Ш. М. Налаев].

По свидетельству Ц. Х. Бамбышева, калмыки трудились не только на строительстве Широковской ГЭС, но и на Березниковском содовом комбинате, угольных шахтах Губахи и Кизела [Широкстрой 1994: 33].

Ш. М. Налаев так описал условия работы. «Первое время мы копали траншеи под отопительную систему для котельной. Это была очень тяжелая работа, т. к. местность там гористая и грунт каменистый... Климатические условия на северном Урале очень тяжелые. Начиная с весны и до глубокой осени лили частые ливневые дожди, а зимой снег выпадал до полутора-двух метров» [Широкстрой 1994: 84]. О тяжелых климатических условиях работы вспоминали почти все выжившие широкоκлаговцы,

при этом отменить выход на работу по погодным условиям можно было только при морозах -50°C .

Самой тяжелой работой в Широκлаге оказалось строительство котлована для ГЭС, который постоянно был затоплен водой. О тяжелых условиях работы в котловане фельдшер Е. В. Кудисенова рассказывала так: «люди работали по колено в воде, на тачках вывозили землю, камень. Каждый день после такой работы надо бы всю одежду постирать, высушить. А когда это делать было и где? Ведь работали они допоздна, а утром опять в котлован» [Широкстрой 1994: 67].

При рытье котлована требовалось «вынуть» в день лопатой и ломом 6 кубометров каменистого грунта, при рытье траншеи — 8 кубометров, при вывозе камней или бетона на одноколесных тачках нормой считались 7 кубометров [Широкстрой 1994: 15].

Поначалу калмыки-широκлаговцы, полные сил и энергии, получавшие питание по армейским нормам, справлялись с заданием. Вот как писал об этом О. А. Джамбинов из 341-й стрелковой дивизии: «... нам объявили, что поступил приказ о том, чтобы направить наш эшелон в Молотов на строительство гидроэлектростанции. Мы восприняли это как должное... Вначале нашему взводу дали задание вырыть траншею для водопровода. Первые дни пребывания в Широκлаге ребята были еще крепкими, работали быстро. Свою норму мы выполняли к двум часам дня и возвращались в бараки. Но постепенно люди стали сдавать, потому что работа была тяжелая, а питание плохое» [Широкстрой 1994: 44–45].

В результате выполнение ежедневных норм становилось все более трудным, а рабочий день стал увеличиваться: с раннего утра и «дотемна». Об этом вспоминал и старший сержант С. М. Бамбышев, прибывший из 61-й танковой дивизии 17-й армии Забайкальского фронта (агроном, будущий кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени): «В котловане — вода и грязь по колено, хотя насосы непрерывно откачивали воду... Камень вывозили на тачках вручную... Продолжительность рабочего дня была до 10 часов. Мы работали до тех пор, пока не выполним дневную норму. Очень строго следил за нами командир бата-

льона старший лейтенант Рябов. Он был жестоким человеком» [Широкстрой 1994: 30].

А вот свидетельство П. С. Баякаева (будущего главного хирурга Калмыкии и главного врача республиканской больницы, кавалера ордена Славы III степени): «Камни, выдолбленные в горах кувалдами, ломами, на тачках возили по доске, которая, извиваясь между деревьями, сбегала вниз до самого берега Косьвы... Никаких человеческих условий труда не было, часы работы не соблюдались, работали с утра до вечера 9–10 часов в день» [Широкстрой 1994: 36].

Будущий Народный писатель Калмыкии А. Б. Бадмаев о своей работе на котловане вспоминал так: «Работа была адская. С шести утра до шести вечера возили бетон на одноколесной тачке по 300-метровому бетонному трапу, установленному под углом, наверное, не менее 45 градусов. С полной тачкой несешься вниз, опрокидываешь в котлован, а затем — медленный, изнурительный путь вверх... Пот застилал глаза, и после гонки с тачкой вниз опять подъем, а тачка все тяжелела и тяжелела. Кормили баландой, чтоб только ноги передвигались. Помню, до ГЭС рубили лес, корчевали пни. За 10 лишних дней, „сверхплановых“, давали ГЗ (горячий завтрак — жидкий суп)... Люди надрывались, чтобы иметь лишний кусок, так хотелось есть... К тому времени я превратился в доходягу, сил уже не было... От смерти спасла лишь случайность. Однажды в ночной смене, как обычно, с наполненной бетоном тачкой я бежал по трапу вниз. И вдруг от физической слабости, истощенный от недоедания, упал в обморок и чуть не влетел в глубокий котлован...» [Широкстрой 1994: 24–25].

Положение осложнилось сокращением пайка летом 1944 г. Вот как вспоминал об этом А. К. Харлашкиев, служивший до Широклага в 11-м запасном кавполку: «Сначала нам давали армейский паек — по 700 г хлеба. Через два месяца сказали, что кормить будут в зависимости от выработки. Норму выполнишь — получаешь 700 г, не выполнишь — 300 г. Кроме хлеба давали баланду и соленую селедку. Норму почти никто не выполнял, потому что люди болели, от слабости даже ходить не могли, падали» [Широкстрой 1994: 129].

Бывшая зенитчица 1568-го артполка А. А. Назарова (после замужества — Телен-

гидова) вспоминала об этом так: «Работа везде была тяжелая. Если бы еще кормили хорошо, то можно было бы выдержать. Но кормили нас тухлой камбалой. Суп варили из мерзлых овощей: капусты, картошки, чуть-чуть приправляя растительным маслом. Нам давали по 400 г хлеба с примесью. От тяжелой работы и такого питания люди стали болеть, тощать. Мы не жили там, а мучились. Приехали с фронта интересные, красивые, полные сил ребята (на передовой хорошо кормили), а уже через неделю становились бледными и худыми... Многие умирали, особенно те, которые страдали какой-то болезнью. Некоторых, истощенных и ослабевших, активировали, другим давали отдых... Но как только человек поправлялся, его опять отправляли в каменный карьер или на лесозаготовку — на эту адскую работу... С раннего утра приходили в столовую истощенные люди с армейскими котелками, становились в очередь. Некоторые не выдерживали стояния в очереди и падали... Около столовой была яма, в которую мы сливали остатки пищи: картофельные очистки, отходы рыбы-камбалы одноглазой (чтоб век ее не видеть). Некоторые ребята делали крючки и из этой ямы вытаскивали отбросы, варили и ели их» [Широкстрой 1994: 115].

Бывший воин 110-й Калмыцкой кавдивизии Б. Д.-Г. Бабаев также вспоминал о постоянном чувстве голода: «Народ в лагере сильно страдал от плохого питания, мороза, холода... Я постоянно испытывал там чувство голода. Только тяжким трудом можно было заработать ГЗ — горячий завтрак, ДП — дополнительный паек, УДП — усиленное дополнительное питание... Это была своего рода приманка для нас» [Широкстрой 1994: 19–20].

В воспоминаниях Э. И. Абушинова есть более подробная расшифровка этих пайков: «Кормили нас так отвратительно, что невозможно выразить словами. Ребята ходили по помойкам, собирали рыбы головы, варили суп. Собирали также картофельную кожуру, жарили ее на железных печурках и ели. За перевыполнение нормы давали дополнительное питание — „премблюда“. Это были ГЗ (горячий завтрак), который состоял из полуложки каши, и УДП (усиленный дополнительный паек) — из двух крохотных оладушек» [Широкстрой 1994: 12–13].

А вот воспоминания У. И. Очирова: «Такая работа требовала полноценного питания, которого не было. Основная еда — это бульон (один ковш), 100 граммов хлеба и зеленый помидор. Приходилось жить и работать впроголодь. И пошла смерть косить людей. Очень много вчерашних фронтовиков раньше времени ушли из жизни на том строительстве. Многих активировали от истощения и отправляли в Сибирь» [Мы — из выссланных 2003: 59].

Работа на котловане была самой тяжелой для калмыков-широклаговцев. На других видах работ нормы были более выполнимы. Например, освободитель Киева Л. А. Дорджиев из 3-й гвардейской танковой армии попал на строительство железной дороги: «шесть человек подготавливали рельсы, двое кидали шпалы, двое забивали костыли. Норма выработки была три тысячи костылей на каждого... Если норму человек не выполнял, то паек давали в размере 600 г хлеба. Но я всегда выполнял норму и получал 900 г хлеба. Когда закончили строить железную дорогу, меня поставили путевым обходчиком... Мы жили отдельно от строителей ГЭС. Котлован я даже не видел» [Широкстрой 1994: 64–65].

Некоторые широклаговцы использовались на административной работе или даже в охране. Вот как вспоминал об этом курсант Энгельсского пулеметного училища Б. М. Дорджиев: «В лагере был лазарет, в котором врачами и медсестрами работали немцы. Туда попадали ребята, работавшие на котловане, ведь все они были истощенные. Очень тяжело им было... А мне повезло, потому что взяли в военизированной охране» [Широкстрой 1994: 62–63].

Помимо физических страданий калмыки-широклаговцы испытывали моральное унижение и подавленность, отказывались от выдаваемой им лагерной одежды, donaшивали военную форму, которая быстро изорвалась на каменоломнях. Не все степняки выдерживали непривычные условия труда при суровом климате и скудном питании. Многие попадали в лазарет, умирали. По данным Н. К. Шарапова, работавшего в Широкаге в отделе статистики, только за год умерло 911 калмыков (см.: [Широкстрой 1994: 138]).

В актах медицинских заключений, помимо обычных для лагерной жизни забо-

леваний (пневмония, туберкулез), часто встречались такие диагнозы: дистрофия, деменция, пеллагра, преждевременное одряхление организма [Широклаг 2000: 5]. Снова предоставим слово Ш. М. Налаеву: «я ужаснулся, до чего же могут похудеть вчерашние мои друзья, молодые, полные сил и здоровья ребята за каких-нибудь 3–4 месяца. Ребра и грудная клетка видны без рентгена, вся задняя часть с копчиком вся синяя, как будто кто-то лупил палкой, глаза были полусонные, ноги превратились в жерди с утолщениями в коленках, руки — в палки без всяких мускулов. Такую картину я видел позже в кинокартинах, посвященных фашистским концлагерям». По словам Ш. М. Налаева, только из одного 2-го батальона было активировано по состоянию здоровья более 500 человек. «Они были в таком состоянии, что не могли самостоятельно сесть в вагоны, и мы собрали одну бригаду более или менее крепких ребят и их на своих плечах грузили в вагоны. Они могли сидеть или лежать на лавочках в вагонах. Нам было видно, что многие из них не дойдут до дома, и действительно многие умерли в пути следования» [ПМА: Ш. М. Налаев].

Об этом же вспоминала и А. А. Назарова (Теленгидова): «И действительно, начали людей отпускать: вначале больных, активированных, прошедших медицинскую комиссию, потом уже остальных. Многие были такие истощенные, что в пути умирали, не доезжая до дома...» [Широкстрой 1994: 116].

Будущий медик П. С. Баякаев указал еще на одну проблему освобожденных широклаговцев: «Голодный истощенный человек, получив на руки паек, сразу его съедает, а затем почти непрерывно пил сырую воду. Поэтому многие умирали, даже не дойдя до железнодорожного вокзала, некоторые в пути, а иные, — едва доехав... уже в Сибирь» [Широкстрой 1994: 37].

Еще бо́льшую горечь начинаешь испытывать, когда понимаешь, что все эти жертвы и испытания были, в общем-то, напрасными. Для Широковской и Поньшской ГЭС планировалось использовать турбоагрегаты мощностью 28 МВт, эвакуированные в 1941 г. с Лесогорской ГЭС (бывшая финская ГЭС «Роухиала», построенная в 1934 г. и захваченная СССР в результате со-

ветско-финской войны 1939–1940 гг.) [По-
становление 1942].

Однако в марте 1944 г. эти два турбо-
агрегата были эвакуированы обратно в
Ленинградскую область. Вместо них были
заказаны два турбоагрегата мощностью по
14 МВт, но единственный в стране завод
по производству гидротурбин (Уральский
завод гидромашин в Сысерти) только на-
чал работу и имел большой пакет заказов.
В конечном итоге Широковская ГЭС была
введена в строй лишь в 1948 г. [электрон-
ный ресурс] // URL: [http://blog.rushydro.
ru/?p=228](http://blog.rushydro.ru/?p=228) (дата обращения: 18.09.2019).
При таких темпах строительства вовсе не
нужно было требовать от строителей столь
титанической отдачи, которая привела к
истощению и массовой смертности.

Всего за 1944 г., по данным К. Н. Мак-
симова, в Широлаг было направлено
3 443 калмыка-военнослужащих: 352 сер-
жанта и 3 091 рядовой [Максимов 2010:
345]. При этом большую часть калмы-
ков-широклаговцев составляли фронто-
вики — 2 590 чел., остальные 737 калмы-
ков-широклаговцев были призваны осенью
1943 г. (в основном, 17-летняя молодежь
и 45–50-летние «старики»). Хотя в Широ-
лаг направляли исключительно рядовых
и сержантов, среди них, видимо, случайно
оказались и офицеры, например, лейтенант
М. У. Очиров и техник-интендант 2-го ран-
га Л. П. Пюрбеев, которые более полугодя
трудились наравне со всеми, пока не доби-
лись отчисления из Широлага [Широлаг
2000: 195, 200].

Среди фронтовиков были воины, отме-
ченные боевыми наградами, в том числе:
орденом Ленина — 1, Красного Знамени —
3, Отечественной войны — 8, Красной Звез-
ды — 47 и т. д. [Максимов 2010: 349–350].
Характерная деталь, говорящая о масшта-
бе снятия ветеранов-калмыков с фронтов:
из 31 уцелевшего в боях калмыка, кавале-
ра ордена Славы, награжденных в ноябре
1943 г. — июне 1944 г., 20 попали в Широ-
лаг [Очиров 2016: 232].

Следует заметить, что калмыки в Ши-
роклаг поступали и в 1945 г. Например, по
воспоминаниям Е. П. Шовунова, в 1945 г.
прибыла группа примерно из 60 калмыков,
воевавших в партизанских отрядах Украи-
ны, Белоруссии, Польши, Франции [Ши-
рокстрой 1994: 138]. По всей видимости,

оценку Н. К. Шарапова, насчитывавшего в
Широклаге 3,6 тыс. калмыков, следует при-
знать более или менее точной.

Однако в картотеке архива учрежде-
ния ВВ-201 МВД России — Кизеловского
ИТЛ (ныне Пермский край) значился всего
3 241 калмык [Широковский ИТЛ].

В 1991 г. из Калмыкии была командиро-
вана группа специалистов из сотрудников
правоохранительных органов и Националь-
ного архива Республики Калмыкия, которые
выявили более 3 тыс. личных и учетно-ста-
тистических карточек военнослужащих
Широкстроя НКВД СССР с приложенными
к ним документами, а также несколько дел
осужденных широклаговцев. На базе этих
данных были составлены аннотированные
списки широклаговцев, причем составители
намеренно включили в них и представите-
лей других репрессированных народов (за
исключением немцев, прибалтов и заклю-
ченных).

В 1993 г. значительная часть картотеки
из архива ВВ-201 была передана в Инфор-
мационный центр МВД Республики Кал-
мыкия. Группа ученых под руководством
Л. С. Бурчиновой, опираясь на переданные
материалы, осуществила сверку аннотиро-
ванных списков, внесла ряд исправлений и
уточнений, систематизировала по заданно-
му стандарту и опубликовала их [Широклаг
2000].

Составители постарались дать о каждом
широклаговце следующие сведения (прав-
да, не во всех случаях это удавалось): фа-
милия, имя, отчество, порядковый номер
личного дела, год и место рождения, на-
циональность, образование, партийность,
местожительство, место учебы, работа до
призыва в армию, военкомат и дата при-
зыва, место и время прохождения службы,
воинское звание, сведения о награждениях
и ранениях, дата прибытия в Широлаг, за-
ключение о болезни, приведшей к досроч-
ной демобилизации или смерти, дата демо-
билизации и место направления на спецпо-
селение, краткая аннотация приложенных к
карточкам документов. Всего в этом спра-
вочнике значится 3 225 персоналий. Однако
не все из них были калмыками, хотя могли
попасть в Широлаг из-за принадлежности
к родственной к калмыкам национально-
сти или даже из-за созвучия названия своей
национальности слову «калмык». Поэтому

название книги имеет не совсем точный подзаголовок «Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг.». Также напомним о том, что часть снятых с фронта калмыков-военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава (в основном из числа инвалидов или имеющих физические увечья) была демобилизована, минуя Широлаг, и сразу отправлена к местам спецпоселений.

По всей видимости, картотека велась с разной степенью аккуратности. Составители справочника отмечают, что «сведения о военнослужащих даны не по всем вышеперечисленным пунктам. В одних случаях они не совсем полны, в других, напротив, отличаются подробностями... Записи, особенно в личных и учетно-статистических карточках, страдают рядом недочетов. Чаще всего они вносились неграмотно, небрежно, с допущением явных искажений, произвольным сокращением слов...» [Широлаг 2000: 7]. Несмотря на сверку, в справочнике встречаются повторы. В ходе составления базы данных мы выявили 13 повторов (возможно, что в книге есть и другие повторы), у которых совпадают года и места рождения, а также частично военкомат призыва, место службы, дата прибытия в Широлаг, дата и место убытия и даже номера личных дел. В справочнике 11 персоналий встречаются дважды: Табун Амуков (в книге указан как Имуков и Опухов), Гаря Бериков (Сариков), Эрдни-Гаря Болданов (Болданов), Инджа Басхаев (Босхаев), Церен Болаев (Булаев), Дальда Болдырев (Болдоров), Гаря Донилов (Денисов), Борис Кольдинов (Калдинов), Гаря Коокуев (Кукуев), Матвей Куртуков (Кортуков), Годжур Сариев (Сяриев) [Широлаг 2000: 110, 190, 55, 217 и др.]. Еще одна персоналия в книге встречается трижды: Бадма Болданович Бечерданов (Бегерданов и Сечердянов) [Широлаг 2000: 50, 55, 219]. Конечно же, из анализа эти 13 повторов исключены. Сразу заметим, что это были единственные исключения, которые мы применили в базе данных. Помимо этих случаев, у нас имеются данные об ошибочных сведениях по ряду персоналий, но, чтобы не запутаться в исправлениях и не запутать наших коллег, которые пожелают повторить или развить наше исследование, мы решили не вносить эти исправления.

Единичные ошибки вряд ли могут иметь ключевое значение при обработке столь большого массива информации.

Очевидно, что в справочник оказались включены не все калмыки-широклаговцы. Только этим можно объяснить расхождение цифр о количестве направленных в Широлаг калмыков, приведенных Н. К. Шарповым (3,6 тыс. чел.), К. Н. Максимовым (3 443 чел.), значащихся в картотеке ВВ-201 (3 241 чел.) и в справочнике (3 212 чел., если не считать 13 повторов).

Это утверждение можно проиллюстрировать несколькими примерами широлаговцев, имена которых в справочнике отсутствуют. Например, в справочнике нет Тюрби Лиджи-Горяева, осуществившего в июне 1944 г. успешный побег из Широлага на фронт, где он воевал до Дня Победы и был награжден орденами Славы III степени и Красной Звезды [Очиров 2016: 231]. При этом бежавшие вместе с ним Бембя Михайлов и Андрей Альчинов в справочнике значатся [Широлаг 2000: 17, 158]. Также успешный побег из Широлага осуществил Мукубен Араев, дошедший до Кенигсберга, но в справочнике его тоже нет. В воспоминаниях широлаговцев неоднократно упоминалась военнослужащая 1568-го зенитно-артиллерийского полка (далее — зенап) Галина Боваевна Уланова (в сборнике «Широкстрой. Широлаг» есть ее воспоминания [Широкстрой 1994: 118–119]), но в справочнике ее нет.

Тем не менее, данный аннотированный справочник предоставляет огромный массив статистической информации по разного рода показателям, обработка которых дает большие возможности для анализа массового источника и составления коллективного портрета калмыков-широклаговцев. В силу своей массовости этот портрет вполне репрезентативен и в значительной степени сопоставим с портретом калмыков-фронтовиков рядового и сержантского состава на третьем этапе Великой Отечественной войны. Поэтому мы сочли важным составить базу данных и произвести ее обработку¹. Ре-

¹ Пользуемся случаем, чтобы высказать благодарность директору Калмыцкого научного центра РАН В. В. Кукановой, которая на начальном этапе лично осуществила большой объем подготовительных работ по составлению этой базы данных.

результаты анализа приводим ниже. По некоторым позициям у большинства персоналий в справочнике сведений нет вообще, например, местожительство, место учебы, работа до призыва в армию и др., поэтому по ряду показателей статистический анализ не осуществлялся.

Статистический анализ справочника мы начали с этнического состава и места рождения 3 212 широклаговцев (3 225 персоналий за вычетом 13 повторов). Конечно же, большинство изучаемых персоналий являлись калмыками — 3 042 (почти 95 %). 14 из них были женщинами.

У 48 широклаговцев национальность не указана, но абсолютное большинство — это калмыцкие фамилии и/или имена. К тому же 38 из них являются уроженцами Калмыкии или калмыцких станиц Сальского округа Области Войска Донского. Еще один — Аылс Матраимов (явно не калмыцкие имя и фамилия) — был уроженцем Киргизии, направленным из Широклага в декабре 1944 г. к месту жительства (а не к месту спецпоселения, как у всех калмыков). Очевидно, что это киргиз или сарт-калмык, на которых действие указа от 27 декабря 1943 г. не распространялось. У девятих место рождения не было указано, но пятеро из них имели фамилии и/или имена, похожие на калмыцкие. Оставшиеся четыре персоналии это: Петр Яковлевич Цайгер (возможно, немец; прибыл в апреле 1944 г.; иной информации нет), Халита Абдуевич Абдуев (прибыл в сентябре 1945 г., после демобилизации почти всех калмыков-широклаговцев, убыл в феврале 1946 г.; его судьба похожа на судьбы двух чеченцев, оказавшихся в этой книге), Родион Яковлевич Максимов (уже в апреле 1944 г. убыл в Половинкинский РВК) и Хат Мортк Мирмаят (очевидно, что данные записаны с ошибками, реконструировать не удалось; в мае 1944 г. убыл в Половинкинский РВК). Таким образом, из 48 широклаговцев без указания национальности 43 с большой долей вероятности являются калмыками.

Еще 73 широклаговца относились к числу сарт-калмыков, из которых 64 были уроженцами Киргизии (при этом 62 указали местом рождения Пржевальский район Иссык-Кульской области), а еще у 9 место рождения не было указано. Также в Широклаге был один киргиз (О. Ш. Курманов)

[Широклаг 2000: 129], которого, по всей видимости, «загребли под общую гребенку» вместе с земляками. Как известно, сарт-калмыки — это потомки ойратов (калмыков), которые были вынуждены откочевать с территории Джунгарии и поселиться на территории современной Иссык-Кульской области Киргизии, вблизи г. Каракол (до 1991 г. — Пржевальск). Несмотря на принятие ислама и длительное проживание в тюркоязычном окружении, сарт-калмыки к тому времени сохранили знание калмыцкого языка и культуры, но их имена были в основном мусульманскими или тюркскими. Предки киргизских калмыков проживали отдельно от основной массы ойратов еще с XVIII в., поэтому формально могли считаться отдельным этносом. На этом основании сарт-калмыки полагали, что действие указа Президиума Верховного совета СССР от 27 декабря 1943 г. на них не распространяется, и неоднократно писали письма и жалобы с просьбой об их освобождении из Широклага.

Однако этот вопрос начал решаться лишь после обращения летом 1944 г. первого секретаря ЦК КП(б) Киргизии А. В. Вагова к наркому НКВД Л. П. Берии. 9 сентября 1944 г. 62 сарт-калмыка — уроженца Киргизии были сняты с лагерного учета. 46 широклаговцев подлежали направлению в Половинкинский РВК для продолжения службы, 16 — следовало демобилизовать и направить к местам проживания их семей [Широклаг 2000: 4–5].

Затем пришла очередь остальных. В реальности большинство сарт-калмыков было освобождено из Широклага в период с 25 ноября по 5 декабря 1944 г. Некоторые покинули лагерь и вовсе в январе 1945 г. (например, В. Кекеев, Г. Макеев, А. Рахматов) [Широклаг 2000: 116, 138, 201]. Как минимум, шесть сарт-калмыков были признаны инвалидами согласно § 3 расписания болезней ГУЛАГа, один (К. Махмаев), имевший порок сердца, умер от пневмонии [Широклаг 2000: 154].

По этой же причине — принадлежность предков к Джунгарскому ханству в XVIII в. — в Широклаг оказались направлены 11 выходцев с Алтая: 10 алтайцев (большей частью уроженцы Ойротской автономной области) и 1 шорец. Их обращения по поводу правильного определения на-

циональности успеха в общем-то не имели. Они работали в Широклаге и были демобилизованы, как и большинство калмыков, в конце 1944 г. — весной 1945 г. (один из них — даже в июле 1945 г.!). Некоторых при демобилизации высылали под надзор спецкомендатур НКВД Ойротской области. При этом троих (двух алтайцев и одного шорца) после 7–12 месяцев работы в Широклаге направили в Половинкинский РВК для продолжения службы в Красной армии [Широклаг 2000: 55, 116, 121].

Из-за принадлежности к родственному монгольскому народу пострадали и 5 бурят, которые вынесли все тяготы Широклага наряду с калмыками и были демобилизованы лишь весной 1945 г.

Среди калмыков-широклаговцев оказались и представители других репрессированных национальностей, которые формально не подлежали направлению в Широклаг: 10 карачаевцев, 2 чеченца и 1 крымский татарин. Карачаевцы прибывали и демобилизовались из Широклага примерно в те же сроки, что и калмыки (за исключением двоих, прибывших из мест заключения осенью 1945 г.), после чего направлялись в Южный Казахстан и Киргизию к местам спецпоселений своего народа. Два чеченца и татарин прибыли в Широклаг в конце сентября 1945 г. (причем двое — из мест заключения), когда калмыков в лагере практически не было, и убыли в июне 1946 г.

Из-за созвучия названия национальностей «кумык» и «калмык» пострадали 7 кумыков и попавший с ними «под общую гребенку» их земляк-аварец. Впрочем, почти со всеми «энкаведешники» быстро разобрались: пятеро кумыков убыли в Половинкинский РВК уже в июне 1944 г. (трое не провели в лагере и десяти дней), один кумык и аарец — зимой 1944–1945 гг. Лишь один кумык умер от пеллагры в ноябре 1944 г. [Широклаг 2000: 16].

Также среди калмыков-широклаговцев оказалось шесть казахов, двое из которых были уроженцами Приволжского улуса Калмыцкой АССР, а еще один был призван в Красную армию Приволжским РВК. Они прибыли в лагерь, как и калмыки, в марте–июне 1944 г., работали там от 6 до 12 месяцев и были освобождены весной 1945 г., за исключением одного, направленного в январе 1945 г. в Половинкинский РВК для

продолжения военной службы. Причины направления казахов в Широклаг для нас остались загадкой.

Наконец, среди широлаговцев оказалось и пятеро русских, явно пострадавших из-за своего места рождения: двое были уроженцами Калмыкии, двое — уроженцами приграничных с Калмыкией районов Астраханского округа, один — уроженцем Алтая. Впрочем, с ними «энкаведешники» разобрались: трое оказались возвращены в действующую армию, двое вернулись в родные степи — в г. Степной (так с 1944 г. стала называться Элиста) и с. Троицкое.

Особый интерес у нас вызвали женщины-широклаговки. Всего их было, как уже говорилось, 14 калмычек. Женщин других национальностей в справочнике нет. Шесть из них были уроженками Кетченеровского улуса, двое — уроженками Западного улуса, двое — уроженками Малодербетовского улуса, двое — уроженками Ростовской области. Еще две девушки были уроженками Троицкого и Долбанского улусов. Шесть кетченеровок, две ростовчанки, по одной уроженке Западного, Малодербетовского и Троицкого улусов были летом 1943 г. призваны соответствующими РВК и попали в Широклаг из 1568-го зенап, который базировался под Архангельском и прикрывал полярные конвои. Уроженка Малодербетовского улуса Байчха Иванова была призвана Обливским РВК Ростовской области в июле 1942 г. и служила в 42-м отдельном полку связи (по всей видимости, 4-го Украинского фронта). Ефросинья Кудисенова, указанная в справочнике как уроженка Западного улуса (на самом деле она родилась в Челябинской области), была призвана в 1941 г. Магнитогорским ГВК и прибыла в Широклаг из эвакогоспиталя № 455 16-й армии Западного фронта. По уроженке Долбанского улуса (Пелагее Мацаковой, в воспоминаниях ее называют Полиной) сведений о месте призыва и службы нет. Удивительно, но из 1569-го зенап, охранявшего Гомельский железнодорожный узел и переправы, в котором служили 53 калмычки, в Широклаге не было ни одного человека. По всей видимости, приказ о снятии калмыков с фронтов в этой части проигнорировали. Нет в списке широлаговцев и женщин, которые были набраны на службу в ВМФ в мае 1942 г. Вообще в списке широлаговцев представители флота отсутству-

ют. Очевидно, что наркомат ВМФ, в отличие от наркомата обороны, снятие калмыков с действующей службы не осуществлял.

Вслед за этим мы осуществили анализ базы данных по месту рождения изучаемых персоналий. Следует заметить, что по сложившейся к тому времени традиции в документах указывалось не название региона в момент рождения человека, а название региона на момент выдачи документа (паспорта). Мало того, в предыдущие четверть века административно-территориальное деление России и СССР неоднократно менялось, подчас весьма кардинально. Поэтому, чтобы не запутаться при отнесении той или иной изучаемой персоналии к региону, мы решили опираться на административно-территориальное деление СССР по данным на начало Великой Отечественной войны. В ряде случаев пришлось внести исправления в данные, приведенные по карточкам широклаговцев. Например, Л. С. Багеев (1893 г. р.) в книге «Широклаг. Широкойстрой» указан как уроженец станции Лихая Ворошиловградской области Украинской ССР [Широклаг 2000: 26]. Понятно,

что здесь имела место модернизация названия региона (в 1893 г. эта территория относилась к Области Войска Донского). Однако следует учесть, что с 1924 г. Шахтинский округ (в который входила станция Лихая) был передан из Ворошиловградской области Украинской ССР в Юго-Восточный край РСФСР, который затем многократно переименовывался и изменял свои границы. В своей базе данных мы указали место рождения Багеева как Шахтинский район Ростовской области (по данным на 1941 г.).

Другой пример: М. В. Набережный (1904 г. р.) в книге «Широклаг. Широкойстрой» назван уроженцем с. Хатун г. Кизляр Терской области [Широклаг 2000: 171]. В соответствии с административно-территориальным делением СССР на 22 июня 1941 г. в свою базу данных мы занесли его как уроженца Кизлярского округа Орджоникидзевского края.

Совершенно логично, что более трех четвертей изучаемых персоналий (2 502 из 3 212) оказались уроженцами Калмыцкой АССР. Их распределение по районам республики приведено в табл. 1.

Таблица 1. Широклаговцы — уроженцы Калмыцкой АССР с распределением по районам рождения

[Table 1. Shiroklag inmates — natives of the Kalmyk ASSR by place (districts) of birth]

Название района	Количество уроженцев	в том числе некалмыков
Западный улус	133	
Яшалтинский улус	80	
Приютинский ² улус	183	
г. Элиста с пригородными селами	12	1 русский
Троицкий улус	200	1 русский
Кетченеровский улус	211	
Сарпинский улус	129	
Малодербетовский улус	213	
Юстинский улус	149	
Приволжский улус	271	2 казаха
Черноземельский улус	193	
Долбанский улус	273	
Лаганский улус	218	1 неизвестной национальности
Улан-Хольский улус	236	
не установлено	1	
Итого	2 502	5

² При образовании в 1938 г. этот улус получил наименование «Приютинский». При восстановлении района в 1957 г. в рамках Калмыцкой автономной области он получил более правильное с точки зрения словообразования наименование — «Приютненский», под которым существует и поныне.

Как видно, распределение калмыков-широклаговцев по районам республики в целом соответствует процентному соотношению калмыков, хотя и имеются незначительные колебания, которые вписываются в статистическую погрешность. Самые маленькие группы калмыков-широклаговцев представляют как раз те районы, в которых проживало меньше всего калмыков: г. Элиста с пригородными территориями, Запад-

ный, Яшалтинский и Сарпинский улусы.

Если говорить о широкаговцах — уроженцах других регионов, то очевидно, что их большая часть оказалась сконцентрирована в регионах, приграничных с Калмыкией: Орджоникидзевском (с 1943 г. — Ставропольском) крае, Ростовской и Сталинградской областях. Их распределение по районам Ростовской области приведено в таблице 2.

Таблица 2. Широкаговцы — уроженцы Ростовской области
с распределением по районам рождения

[Table 2. Shiroklag inmates — natives of Rostov Oblast by place (districts) of birth]

Название района	Количество уроженцев	в том числе некалмыков
Калмыцкий район	170	—
Дубовский район	28	—
Зимовниковский район	22	—
Пролетарский район	18	—
Сальский район	7	—
Целинский район	7	—
Заветинский район	6	—
Орловский район	4	—
Веселовский район	3	—
Мечетинский район	3	—
Морозовский район	3	—
Ремонтненский район	3	—
Шахтинский район	2	—
Мартыновский район	1	—
Милютинский район	1	—
Октябрьский район	1	—
Раздорский район	1	—
не установлено	2	—
Всего	282	—

Как видно, абсолютное большинство широкаговцев — уроженцев Ростовской области сконцентрировано не в приграничных с Калмыкией районах — Ремонтненском и Заветинском (которые в 1920–1925 гг. в составе Ремонтненского уезда входили в Калмыцкую автономную область), а в районах к западу от них. Это были территории бывших калмыцких станиц Сальского округа Области Войска Донского. Больше половины калмыков Ростовской области являлись уроженцами Калмыцкого района, т. е. бывших станиц Батлаевской, Денисовской (Богшракинской), Иловайской (Зюнгарской), Кутейниковской (Кевюдовской), Власовской

(Бембдякинской), Граббевской (Цевднякинской) и др. Большие группы калмыков представляли Дубовский район (в том числе 11 чел. — из станицы Эркетинской, также были уроженцы Потаповской и Беляевской станиц), Зимовниковский район (в том числе уроженцы Бурульской станицы и хутора Гашун) и Пролетарский район (в том числе 12 чел. — из станицы Платовской и ее хуторов). Территории Сальского и Целинского районов располагались на землях конезаводчиков и войскового запаса, которые относились к Сальскому округу Области Войска Донского и на которых также расселялись донские калмыки-казаки, нанимавшиеся табунщиками.

Представительство донских калмыков в других районах невелико и находится в рамках статистической погрешности. Кроме того, следует учитывать, что здесь в ряде случаев имела место подмена понятия «место жительства» на «место рождения». Например, как уже упоминалось, Л. С. Багеев (1893 г. р.) местом своего рождения указал станцию Лихую Ворошиловградской области (к 1941 г. Шахтинского района Ростовской области), но на самом деле он был

уроженцем станицы Граббевской (Цевднякинской), которая в 1941 г. входила в Калмыцкий район Ростовской области [Солдаты Победы 2015: 40]. Впрочем, чтобы не вносить дополнительной путаницы, места рождений в базе данных мы изменять не стали, ограничившись лишь исправлением названий районов и регионов.

Распределение ширококладовцев — уроженцев Сталинградской области по районам приведено в таблице 3.

Таблица 3. Широкладовцы — уроженцы Сталинградской области с распределением по районам рождения

[Table 3. Shiroklag inmates — natives of Stalingrad Oblast by place (districts) of birth]

Название района	Количество уроженцев	в том числе некалмыков
Астраханский округ	91	2 русских, 1 казах
в том числе Енотаевский район	45	1 русский
в том числе Харабалинский район	17	—
в том числе Икрянинский район	12	—
в том числе г. Астрахань	9	1 русский
в том числе Красноярский район	7	1 казах
в том числе Володарский район	1	—
Ворошиловский (с 1957 г. — Октябрьский) район	26	—
Красноармейский (с 1960 г. — Светлоярский) район	21	—
Черноярский район	12	—
Нижне-Чирский район	6	—
Кагановичский (с 1957 г. — Суровикинский) район	5	—
Калачевский район	5	—
Котельниковский район	4	—
Верхне-Курмоярский район	3	—
Горно-Балыклейский	1	—
Городищенский	1	—
Чернышковский	1	—
г. Сталинград (с 1961 г. — Волгоград)	1	—
не установлено	1	—
Всего	178	3

Как видно, большая часть ширококладовцев — уроженцев Сталинградской области была из Астраханского округа, половина из которых являлась уроженцами Енотаевского района. Большие группы ширококладовцев были из Харабалинского и Икрянинского районов. Все три района были приграничными с Калмыкией. Что касается остальных районов Сталинградской области, не входивших в состав Астраханского округа, то заметно выделяются три из них, которые также были приграничными с Калмы-

кией: Ворошиловский, Красноармейский и Черноярский. Следует заметить, что на их территории находились калмыцкие села и хутора, переданные в состав региона в разные годы. Например, среди 26 представителей Ворошиловского района было 17 уроженцев Зётов и 6 уроженцев Тебектенеров, среди 21 представителя Красноармейского района — 14 уроженцев Червленого и т. д.

Распределение ширококладовцев — уроженцев Орджоникидзевского края по районам приведено в таблице 4.

Таблица 4. Широклаговцы — уроженцы Орджоникидзевского края с распределением по районам рождения

[Table 4. Shiroklag inmates — natives of Ordzhonikidze Krai by place (districts) of birth]

Название района	Количество уроженцев	в том числе некалмыков
Карачаевская автономная область	7	7 карачаевцев
Кизлярский округ	4	1 кумык
Левокумский район	18	—
Моздокский район	8	—
Наурский район	4	—
Туркменский район	2	—
г. Ворошиловск (с 1943 г. — Ставрополь)	2	—
Александровский район	1	—
Благодарненский район	1	—
Винодельненский (с 1935 г. — Ипатовский) район	1	—
Молотовский (с 1957 г. — Красногвардейский) район	1	—
Петровский район	1	—
Старомарьевский (с 1959 г. — Шпаковский) район	1	—
не установлено	1	—
Всего	52	8

Если не учитывать карачаевцев, которые в Широлаг явно попали случайно, то среди уроженцев Орджоникидзевского края выделяется граничащий с Калмыкией Левокумский район (18 чел.), а также южные Моздокский (8 чел.) и Наурский (4 чел.) районы. В Левокумском районе большинство калмыков-широклаговцев (14 из 18) было родом из хутора Максимо-Кумский, который являлся единственным калмыцким поселением в крае. Что касается южных районов, то это были так называемые тер-

ские калмыки, предки которых поселились здесь еще в конце XVIII в. и даже включались в состав Терского казачьего войска. Большинство терских и кумских калмыков в начале 1920-х гг. переселилось на территорию Калмыкии, но отдельные семьи отказались от переезда и остались в родных местах.

В таблице 5 приведено распределение широклаговцев по другим регионам (кроме уроженцев Калмыкии и приграничных с ней регионов).

Таблица 5. Широклаговцы — уроженцы остальных регионов

[Table 5. Shiroklag inmates — natives of other regions]

	Количество уроженцев	в том числе некалмыков
Грузинская ССР	1	—
Казахская ССР	8	3 казаха
Киргизская ССР	66	66
в том числе Иссык-Кульская область	62	62 сарт-калмыка
Украинская ССР	1	—
Бурят-Монгольская АССР	4	4 бурята
Усть-Ордынский Бурятский автономный округ	1	1 бурят
Алтайский край	11	1 русский, 10 алтайцев
Новосибирская область	1	1 шорец
Коми АССР	1	—
Челябинская область	7	—
Чкаловская область	5	—
Кабардино-Балкарская АССР	1	—

Дагестанская АССР	8	1 аварец, 5 кумыков
Чечено-Ингушская АССР	1	1 кумык
Краснодарский край	1	—
Монголия	1	—
Франция	1	—
нет данных	79	—
Всего	198	93

Если из этой таблицы исключить представителей Киргизии, Алтая, бурятских автономий, Дагестана, которых мы уже проанализировали выше, а также тех, о месте рождения которых нет данных, и сосредоточиться на 26 оставшихся калмыках, то мы увидим, что они в целом рассеяны по всей стране. Есть лишь один район их относительной концентрации — Чкаловская и Челябинская области (12 из 26 чел.). Это территория бывшего Оренбургского войска, в котором также служили калмыки-казаки. В начале 1920-х гг. уцелевшие после Гражданской войны оренбургские калмыки организованно переехали в Калмыкию, но отдельные семьи остались на своей родине. Три калмыка из пяти, родившиеся в Западно-Казахстанской (Уральской) области, были уцелевшими калмыками-казаками Уральского войска, переселившимися в 1920-х гг. в Калмыкию и призванными в армию уже оттуда. Еще один калмык (Иван Огунча) из Алма-Атинской области являлся, по всей видимости, семиреченским калмыком-казакком.

Кроме того, следует учитывать и фактор подмены понятия «место рождения» «местом жительства». Например, единственный ширококлавец — якобы уроженец Украины Георгий Васьмахер на самом деле был Доржи Куриновым и родился в другом месте. После того как мать повторно вышла замуж и переехала с семьей в Днепродзержинск, Куринов взял отчество и фамилию отчима (Данилы Васьмахера) и изменил имя. Якобы уроженец Грузии Владимир Церенов приехал в тбилисский Авлабар из Астрахани, уже из Закавказья был призван на военную службу и попал в школу снайперов. Якобы уроженец Кабардино-Балкарии Виктор Тосбатонов на самом деле родился в Кваркенском районе Челябинской области (т. е. был оренбургским калмыком), а на службу был призван Нальчикским ГВК Кабардино-Бал-

карской АССР. Вряд ли уроженцем Кожвинского района Коми АССР был Сангаджи Кукаев. Скорее всего, он там работал, либо отбывал срок заключения или ссылки. Якобы уроженец Краснодарского края Борис Манжуков был сиротой, с 3 лет воспитывался в русской семье и, скорее всего, родился в другом регионе, а на Кубань попал в ходе перипетий Гражданской войны.

Два ширококлавца были уроженцами других стран, но на самом деле являлись донскими калмыками. Уроженец Монголии Вил Борисович Номинханов был сыном калмыка — будущего первого доктора филологических наук Церен-Дорджи Номинханова (настоящее имя — Борис Юнзуков). В начале 1920-х гг. уроженец станицы Граббевской Ц.-Д. Номинханов вместе с другими калмыками-командирами 1-го Калмыцкого кавалерийского полка находился в многолетней секретной командировке. В этот период и родился Вил Номинханов. Уроженец Франции Борис Савельевич Доржинов, скорее всего, был сыном белоэмигранта, который в середине 1920-х гг. вернулся в Россию и поселился во Власовской станице.

Очевидно, что представители некалмыцких национальностей, перечисленные в книге «Широкаг. Широкастрой», в лагерь оказались направлены по ошибке, из-за незнания офицерами НКВД и Красной армии национальностей или правил спецпоселения. Поэтому дальнейший анализ мы провели лишь по калмыкам-широклавцам. Таковых в базе данных значится 3 042 чел. (в том числе 14 женщин). Также в ней было 48 персоналий, национальность которых была не указана. Из них пятеро имели некалмыцкие имена и фамилии. У остальных 43 фамилии и/или имена, похожие на калмыцкие, к тому же большинство из них — уроженцы Калмыкии или Калмыцкого района. Таким образом, в уточненной базе данных осталось 3 085 персоналий.

Следует заметить, что некоторые калмыки, пытаясь уклониться от тяжелой работы в лагере, подавали письма, в которых писали, что они не являются калмыками, как, например, уроженец Красномихайловки (основанной как поселок для крещеных калмыков) А. А. Аннов. Еще один ширококлаговец — вышеупомянутый Б. И. Манжуков не отрицал калмыцкого происхождения, но подчеркивал, что с 3-летнего возраста воспитывался в русской семье, поэтому просил

направить его на фронт. П. Н. Уржанакоев просил откомандировать его из Широклага вместе с сыном, так как они «являются коренными уральцами и никакого отношения к калмыкам не имеют» [Широлаг 2000: 21, 152, 238–239]. Следует заметить, что во всех указанных случаях на просьбы широколаговцев поступил отказ.

Вслед за анализом по месту рождения мы решили осуществить анализ по месту призыва (см. таблицы 6 и 7).

Таблица 6. Распределение калмыков-широклаговцев по районам призыва в Калмыцкой АССР

[Table 6. Shiroklag inmates — ethnic Kalmyks by place (districts) of conscription, Kalmyk ASSR]

Название РВК	Количество людей
Западный РВК Калмыцкой АССР	172
Приютинский РВК Калмыцкой АССР	265
Элистинский ГВК Калмыцкой АССР	73
Малодербетовский РВК Калмыцкой АССР	145
Сарпинский РВК Калмыцкой АССР	240
Черноземельский РВК Калмыцкой АССР	141
Приволжский РВК Калмыцкой АССР	290
Долбанский РВК Калмыцкой АССР	193
Лаганский РВК Калмыцкой АССР	350
Всего	1 869

Примечание к таблице 6: данные по Яшалтинскому улусу учтены в графе Западного военкомата, по Троицкому улусу — Приютинского, по Кетченеровскому улусу — Сарпинского, по Юстинскому улусу — Приволжского, по Улан-Хольскому улусу — Лаганского, так как в вышеуказанных районах улусных военкоматов не было.

Казалось бы, что больших изменений по сравнению с таблицей 1 быть не должно. Ведь в обеих таблицах используется административно-территориальное деление на 22 июня 1941 г. и нет никаких предпосылок для значительных миграций. Однако по сравнению с таблицей 1 итоговая цифра призванных «проседает» больше чем на четверть. Основной причиной этого является высокий процент «белых пятен» в категории «место призыва». У более чем четверти калмыков-широклаговцев неизвестен военкомат и регион призыва, поэтому сравнительно-сопоставительное исследование с таблицей 1 в данном случае провести невозможно. Единственный показатель, в котором фиксируются явно

заметные изменения, — это город Элиста. Столица Калмыкии, имея 11 уроженцев-калмыков, мобилизовала на фронт почти в 7 раз больше людей. Но это легко объяснить. До 1927 г. Элиста была селом, заселенным преимущественно русскими. После его преобразования в город и получения статуса столицы региона в Элисту переехали или были созданы вновь учреждения власти, образования, культуры, здравоохранения, предприятия промышленности и транспорта, что повлекло за собой многократный рост населения, в первую очередь, калмыцкого.

Сведения о распределении калмыков-широклаговцев по районам призыва в других регионах СССР приведены в таблице 7.

Таблица 7. Распределение калмыков-широклаговцев
по районам призыва в других регионах СССР

[Table 7. Shiroklag inmates — ethnic Kalmyks by place (districts) of conscription,
other regions of the USSR]

Название региона и районного (городского) военкомата	Количество
Военкоматы Ростовской области	143
в том числе Дубовский РВК	3
в том числе Заветинский РВК	5
в том числе Зимовниковский РВК	96
в том числе Мартыновский РВК	5
в том числе Пролетарский РВК	7
в том числе Сальский РВК	6
в том числе Целинский РВК	5
Военкоматы Сталинградской области	119
в том числе Астраханский ГВК	8
в том числе Енотаевский РВК Астраханского округа	26
в том числе Икрянинский РВК Астраханского округа	10
в том числе Харабалинский РВК Астраханского округа	9
в том числе Ворошиловский РВК	17
в том числе Котельниковский РВК	9
в том числе Красноармейский РВК	6
в том числе Чернышевский РВК	9
Военкоматы Орджоникидзевского края	26
в том числе Левокумский РВК	8
Военкоматы Казахской ССР	29
в том числе военкоматы Западно-Казахстанской области	16
в том числе военкоматы Гурьевской области	9
Военкоматы Челябинской области	11
Военкоматы УССР (Беловодский РВК Ворошиловградской области)	5
Военкоматы Дагестанской АССР, Саратовской и Свердловской областей	по 4 (всего 12)
Военкоматы Грузинской ССР, Краснодарского края и Московской области	по 3 (всего 9)
Военкоматы Башкирской и Бурят-Монгольской АССР, Приморского края, Куйбышевской, Ленинградской, Молотовской областей	по 2 (всего 12)
Военкоматы Киргизской, Туркменской и Узбекской ССР, Кабардино-Балкарской, Карельской, Коми и Татарской АССР, Еврейской автономной области, Ямало-Ненецкого автономного округа, Алтайского края, Архангельской, Иркутской, Кандакшской, Кировской, Мурманской, Новосибирской, Рязанской областей	по 1 (всего 17)
нет данных	841
Всего	1 224

Примечание к табл. 7: данные по Калмыцкому району Ростовской области учтены в графе Зимовниковского военкомата, так как в первом военкомате не было; данные по районным военкоматам города Астрахани учтены в графе Астраханского ГВК, данные по военкоматам Москвы — в графе «военкоматы Московской области», данные по военкоматам Ленинграда — в графе «военкоматы Ленинградской области».

Как видно, большинство калмыков, призванных из-за пределов Калмыкии, оказались сконцентрированы в регионах и районах, прилегающих к степной республике. В Ростовской области большинство калмыков было призвано Зимовниковским РВК (к которому относился и Калмыцкий район, не

имевший своего военкомата), в Сталинградской области — РВК районов, приграничных с Калмыкией, в Орджоникидзевском крае — РВК Левокумского района. Если же брать регионы, не граничащие с Калмыкией, то здесь явно выделяются области западного Казахстана — Западно-Казахстанская

и Гурьевская. По всей видимости, это были калмыки, которые эвакуировались на территорию указанных регионов и оказались там призваны на военную службу. Среди других регионов также выделяется Челябинская область (с оренбургскими калмыками).

Следует заметить, что общее количество калмыков за пределами Калмыкии в категории «место призыва» заметно больше, нежели по месту рождения. Очевидно, что калмыки выезжали в другие регионы на работу, учебу, отбывали там наказание в лагерях ГУЛАГа или местах ссылки. Например, все пять калмыков-широклаговцев, мобилизованных на Украине, были призваны одним военкоматом — Беловодским РВК Ворошиловградской области, поскольку работали на местном военно-конном заводе. Если говорить об осужденных, то единственный призванный из Рязанской области был осужден в 1935 г. к 10 годам лишения свободы и к 1943 г. явно не отбыл весь срок наказания. Возможно, что он был призван из мест лишения свободы с прощением неотбытого срока наказания. Единственный призванный из Карельской АССР был приговорен в 1939 г. к 2 годам лишения свободы за хулиганство, отбывал наказание на Беломорско-Балтийском канале и был призван в 1941 г. (скорее всего, уже после отбытия наказания). Один из призванных из

Свердловской области также в 1940 г. был осужден по статье 162 УК РСФСР («кража», до 3 лет лишения свободы). В соседнем с лагерем районе проживал 17-летний уроженец Ростовской области И. С. Шургучинов, которого Губахский РВК призвал летом 1944 г. и отправил из военкомата напрямую в лагерь. Он многократно пытался добиться перевода на коксохимический завод, на фронт или учебу, но его демобилизовали лишь в марте 1945 г. вместе с основной массой калмыков-широклаговцев [Широклаг 2000: 270].

Следующий анализ мы провели по возрасту калмыков-широклаговцев. Следует учесть, что на 10 персоналий нет данных по году рождения. В некоторых случаях в справочнике указывались две даты, во всех случаях возраст определялся по первой цифре. К сожалению, в справочнике встречаются ошибочные года рождения. Например, Т. А. Давинова в книге указана как 1902 г. р. (т. е. на момент добровольного вступления на службу в войска ПВО летом 1943 г. ей якобы был 41 год, в то время как тогда набирали женщин в возрасте от 19 до 30 лет). На самом деле Татьяна Андреевна была 1926 г. р. Впрочем, чтобы не запутать себя и коллег, мы не стали исправлять эти цифры. Результаты анализа приведены в таблице 8.

Таблица 8. Калмыки-широклаговцы с распределением по году рождения

[Table 8. Shiroklag inmates — ethnic Kalmyks by year of birth]

1887 г. — 2	1901 г. — 30	1915 г. — 104
1888 г. — 2	1902 г. — 38	1916 г. — 100
1889 г. — 3	1903 г. — 45	1917 г. — 90
1890 г. — 8	1904 г. — 48	1918 г. — 72
1891 г. — 12	1905 г. — 68	1919 г. — 80
1892 г. — 26	1906 г. — 53	1920 г. — 85
1893 г. — 41	1907 г. — 66	1921 г. — 83
1894 г. — 46	1908 г. — 69	1922 г. — 151
1895 г. — 51	1909 г. — 68	1923 г. — 154
1896 г. — 56	1910 г. — 92	1924 г. — 177
1897 г. — 47	1911 г. — 78	1925 г. — 272
1898 г. — 46	1912 г. — 103	1926 г. — 284
1899 г. — 17	1913 г. — 114	1927 г. — 8
1900 г. — 49	1914 г. — 136	1928 г. — 1

Если построить на базе этой таблицы демографическую «кривую», то мы заметим заметный «прогиб» в 1917–1921 гг. — явные последствия Гражданской войны и голода в Поволжье 1921 г. Кроме того, большая часть калмыков 1919–1921 гг. р. была призвана на военную службу до начала войны и погибла или пропала без вести во вражеских «котлах» первого года войны. Начиная с 1922 г. р., численность калмыков-военнослужащих начинает возрастать. Самые крупные контингенты относятся к 1925–1926 гг. р. (более 18 % от общего количества калмыков-широклаговцев), которые были призваны в 1943 г. и попали в лагерь из запасных частей. Военнослужащие 1927 г. р. (не говоря уже о 1928 г. р.) в

1943 г. мобилизации не подлежали, но, по всей видимости, приписали себе год или два и добились своего призыва в Красную армию. В одном случае указано, что калмык 1927 г. р. служил в армии с 1939 г. [Широклаг 2000: 11], что, скорее всего, является опечаткой. 16–17-летние юноши наравне со взрослыми вынесли все тяготы Широ-клага. Исключение было сделано лишь для единственного военнослужащего 1928 г. р., который через полгода работы в лагере был демобилизован как несовершеннолетний [Широклаг 2000: 109].

Следующий анализ мы осуществили по уровню образования калмыков-широклаговцев, увязав их с возрастом (см. таблицу 9).

Таблица 9. Калмыки-широклаговцы с распределением по уровню образования в зависимости от возраста

[Table 9. Shiroklag inmates — ethnic Kalmyks by level of education and age]

Образование	Всего	1887–1903 гг. рождения	1904–1913 гг. рождения	1914–1923 гг. рождения	1924–1928 гг. рождения	нет данных
неграмотные	575	284	192	81	15	3
малограмотные	247	76	118	45	8	—
1 класс	39	3	19	12	5	—
2 класса	198	13	72	82	30	1
3 класса	230	22	62	97	49	—
4 класса	413	25	80	173	132	3
начальное	12	2	5	5	—	—
5 классов	243	12	41	100	90	—
6 классов	210	4	26	65	115	—
7 классов	363	8	45	144	166	—
неполное среднее	2	—	1	—	1	—
8 классов	84	1	4	31	47	1
9 классов	37	—	3	17	17	—
неоконченное среднее	11	—	2	4	5	—
10 классов	16	—	—	12	4	—
среднее	94	9	20	52	12	1
неоконченное среднее специальное	10	2	0	6	2	—
среднее специальное	62	4	16	37	5	—
неоконченное высшее	10	—	3	5	2	—
высшее	25	3	13	8	1	—
нет данных	204	50	37	79	36	2
Итого	3 085	518	759	1 055	744	11

Как видно из этой таблицы, половина неграмотных калмыков относится к старшим возрастам (40 и более лет), почти половина малограмотных — к возрастам от 30 до 39 лет. У более молодых возрастов уровень образованности заметно возрастает, что явно демонстрирует успехи Советской власти в области борьбы с безграмотностью и за повышение образованности молодежи. Большая часть контингента в возрасте от 20 до 29 лет сконцентрирована в категориях «начальное образование» и «неполное среднее образование» (наибольшее количество персоналий в этой группе имело 4 класса образования); большая часть контингента в возрасте до 20 лет — в категориях «4 класса» и «неполное среднее образование» (наибольшее количество

персоналий в этой группе имело 7 классов образования). Из этих данных хорошо видно, какие типы школ преобладали в Калмыкии в конце 1920-х — 1-й пол. 1930-х гг., а какие — во 2-й пол. 1930-х — начале 1940-х гг. При этом следует отметить, что, несмотря на многократное увеличение количества и качества школ в Калмыкии, добиться 100-процентного охвата молодежи системой образования республики не удалось: 3 % военнослужащих в возрасте до 20 лет и почти 12 % в возрасте от 20 до 29 лет оставались неграмотными или малограмотными.

Аналогичный анализ мы сделали и по партийности калмыков-широклаговцев, также увязав ее с уровнем образования (см. таблицу 10).

Таблица 10. Калмыки-широклаговцы с распределением по членству в партии в зависимости от образования

[Table 10. Shiroklag inmates — ethnic Kalmyks by party membership and educational level]

Образование	Члены ВЛКСМ	Кандидаты в члены ВКП(б)	Члены ВКП(б)	Беспартийные	нет данных	Всего
неграмотные	5	2	8	559	1	575
малограмотные	6	11	19	210	1	247
неоконченное начальное	50	34	56	325	2	467
начальное	85	29	64	242	5	425
неоконченное неполное среднее	115	30	64	239	5	453
неполное среднее	133	25	54	148	5	365
неоконченное полное среднее	62	14	15	40	1	132
полное среднее	26	20	13	49	2	110
неоконченное среднее специальное	2	1	2	5	—	10
среднее специальное	15	8	18	19	2	62
неоконченное высшее	2	1	2	3	2	10
высшее	1	3	10	11	—	25
нет данных	2	6	8	13	175	204
Итого	504	184	333	1 863	201	3 085

Здесь мы также видим прямую связь между изучаемыми показателями. Абсолютное большинство неграмотных и малограмотных относится к беспартийным. Они также являются большинством в категориях «неоконченное начальное образование», «начальное образование» и «неоконченное неполное среднее образование». Однако

по мере возрастания уровня образования процент беспартийных падает, и уже в категории «неполное среднее образование» численность беспартийных вполне сопоставима с численностью комсомольцев.

В ходе борьбы с безграмотностью и за повышение уровня образования руководящие органы ВКП(б) и ВЛКСМ требовали

от низовых ячеек и рядовых членов быть на переднем фронте этой борьбы и показывать личный пример. С другой стороны, мы наблюдаем среди членов и кандидатов в члены партии 7–8 % безграмотных и малограмотных, а среди комсомольцев — 3 % безграмотных и малограмотных. При этом почти две трети членов и кандидатов в члены партии относятся к категориям «неоконченное начальное образование», «начальное образование», «неоконченное неполное среднее образование» и «неполное среднее образование», в то время как две трети комсомольцев относятся к категориям «начальное образование», «неоконченное неполное среднее образование» и «неполное среднее образование». Таким образом, комсомольская молодежь показывает чуть более высокий уровень образования, чем у старших товарищей. Очевидно, что некоторые выводы перекликаются с выводами таблицы 9.

Как мы указывали выше, тяжелые условия работы, плохое питание, суровый климат привели к высокой заболеваемости и смертности среди калмыков-широклаговцев. Однако цифровые данные справочника по этим категориям не совсем коррелируются с воспоминаниями широклаговцев, которые работали в штабах строительных батальонов, имели дело со статистикой и утверждали, что речь идет о многих сотнях или даже тысяче умерших калмыков-широклаговцев. Например, по данным Н. К. Шарапова, работавшего в Широклаге в отделе статистики, в лагере было 3,6 тыс. калмыков, из которых 911 умерли только за один год [Широкстрой 1994: 138]. В справочнике содержатся данные на 3 085 калмыков, из которых 148 умерли, а еще о судьбе 128 калмыков сведений нет. Как мы уже говорили, в справочнике указаны не все калмыки-широклаговцы (например, там нет вышеупомянутого Н. К. Шарапова), и возможно, что разница между количеством умерших по его сведениям и по справочнику компенсируется за счет тех, о ком сведения отсутствуют.

Что касается заболеваний, то в справочнике содержатся сведения о 694 заболевших калмыках-широклаговцах, из которых 140 — умерли. При этом трое широклаговцев умерли почти сразу после демобилизации (двое даже не смогли покинуть лагерь и были похоронены на месте, а один умер на станции Кунгур, недалеко от Широклага).

В абсолютном большинстве случаев причинами смерти были заболевания легких (воспаление, пневмония, плеврит, туберкулез, гангрена, эмфизема легких) и истощение (дистрофия II и III степени, пеллагра, цинга, скорбут), причем довольно часто они сочетались. Изредка встречаются такие диагнозы, как раковые заболевания различных органов тела, энтероколит, нефрозонефрит, пороки сердца. В 7 случаях калмыки-широклаговцы погибли или умерли от травм (аварии поездов, завал в шахте и т. д.), в 1 случае имело место отравление хлороформом. Также в справочнике есть сведения о смерти 8 калмыков-широклаговцев без указания причин смерти (которые в списке заболевших, соответственно, не значатся). Если говорить о заболеваниях, приводивших к активированию, то чаще всего упоминались такие болезни, как: дистрофия II и III степени, туберкулез легких, пеллагра, эпилепсия и др., что в целом совпадает со сведениями из воспоминаний широклаговцев.

Конечно, не все широклаговцы могли вынести такие тяжелые условия жизни. Некоторые пытались совершить побег на фронт, полагая, как говорил Я. С. Джамбинов, что, «чем влачить жалкое существование здесь, на безвестной реке Косье, лучше уж погибнуть на фронте за Родину» [Широкстрой 1994: 50–51].

Хотя лагерь не был окружен колючей проволокой и охранялся не войсками НКВД, а такими же солдатами-широклаговцами, побег был нелегкой задачей. Уход из лагеря быстро выявлялся на утренней или вечерней проверке, после чего на беглеца начиналась охота. Сам Широлаг находился в лесистой местности, где практически не было дорог. Кроме того, дорогу на запад преграждала река Кама с большим водохранилищем на широте Широклага. Пройти сотни километров без запасов еды по лесистой местности в условиях постоянных ливней или двухметровых сугробов для степняка было практически нерешаемой задачей. Единственной возможностью для побега являлась железная дорога, идущая на юг. Это была тупиковая ветвь, идущая от г. Соликамска к Пермской железной дороге. Поэтому сотрудники НКВД, контролируя эту дорогу, могли относительно быстро выявлять и перехватывать беглецов. Однако если кому-то из широклаговцев удава-

лось обмануть погоню и обойти заслон, то с выходом на Пермскую железную дорогу у него появлялся шанс попасть на фронт. В справочнике содержатся сведения о 17 широклаговцах, совершивших побеги (в том числе один — дважды), из которых 11 достигли успеха. При этом, как мы уже упоминали, в книге нет сведений о нескольких калмыках, совершивших успешные побеги. Некоторые из пойманных были осуждены, при этом в справочнике также отражены не все осужденные.

В справочнике есть сведения о том, что среди калмыков-широклаговцев было 50 арестованных и/или осужденных. Из них восемь были осуждены до начала войны и приговорены к различным срокам наказания (в основном 2 года, хотя были и осужденные на 5 и 10 лет). Из тех, у кого в справочнике была указана статья УК РСФСР, один был осужден за хулиганство, один — за побег с места ссылки или заключения, один — за злоупотребление служебным положением, трое — за растрату, один — за кражу.

Что касается остальных 42 персоналий, то они были арестованы и/или осуждены в 1944–1945 гг., когда уже находились в Широклаге. Восемь были арестованы районным отделом НКВД г. Кизела Молотовской области (трое — 8 июля 1944 г., двое — 19 августа 1944 г., трое — 22 сентября 1944 г.). Возможно, это произошло во время попыток их побегов. Дальнейшая их судьба неизвестна. Еще один широклаговец — Очир Лиджиевич Нормаев (сын известного просветителя и учителя) был арестован за антисоветскую пропаганду и направлен в НКВД Новосибирской области. Там он был осужден и отсидел на Колыме 10 лет. Еще 33 широклаговца были осуждены судами различных инстанций (военным трибуналом войск НКВД Молотовской области, областным судом, лагерным судом), но в большинстве случаев статья УК РСФСР в карточках не указывалась. В тех случаях, где статья УК РСФСР указывалась, видно, что приговор выносился либо за побег, либо за кражу с государственных или общественных складов. Характерно, что об осужденных, которые отбывали наказание в этом же районе, только уже в лагерях под охраной НКВД, в документах писали «переведен в з/к», т. е. с точки зрения писавших большой разницы между статусом широклаговца и «зека» не было.

Впрочем, согласно указу Президиума Верховного совета СССР от 7 июля 1945 г., все осужденные на срок до 3 лет попали под амнистию (кроме осужденных за контрреволюционные преступления, подпадающих под указ «семь-восемь»³, убийц и др.). Понятно, что в этом случае большое значение имела трактовка правонарушения судом. Например, В. Д. Утхунов при разгрузке вагона смог выкрасть ящик тушенки и раздать ее соседям по бараку. Молотовский областной суд квалифицировал это как хищение социалистической собственности и согласно печально известному указу «семь-восемь» осудил его по «политической» 58-й статье на 10 лет, которые широклаговец стал отбывать на том же месте, только в лагере для политзаключенных. Один из заключенных, юрист по образованию, узнав историю В. Д. Утхунова, сказал, что правонарушение следует классифицировать как «доступную кражу», предложил добиваться переквалификации на статью 162-д с заметно меньшим сроком и помог написать письмо М. И. Калинину. Через 3 месяца пришел ответ, в котором подтвердили правоту В. Д. Утхунова и сообщили об амнистии в связи с окончанием войны [[Широкстрой 1994: 123–124](#)]. Из 42 арестованных и/или осужденных калмыков-широклаговцев трое после амнистии вернулись в Широклаг и демобилизовались уже оттуда. Один был осужден сразу после демобилизации.

29 сентября 1944 г. вышло распоряжение НКВД СССР № 1/18717, согласно которому руководство Широклага начало демобилизацию калмыков, награжденных боевыми орденами. На воинов, награжденных медалями, эта льгота почему-то не распространялась. Большую часть калмыков-орденоносцев освободили уже в ноябре–декабре 1944 г. Оставшиеся по какой-то причине орденосцы демобилизовывались уже на об-

³ Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932 г. (отсюда «семь-восемь») «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», известное также как «закон о трех колосках», согласно которому хищения государственной и общественной (колхозной и кооперативной) собственности карались расстрелом или лишением свободы на 10 лет с конфискацией имущества.

щих основаниях в течение 1945 г. Согласно справочнику, 2 697 калмыков-широклаговцев вообще наград не имели. Среди оставшихся 388 персоналий некоторые имели по несколько боевых наград: 1 орден Ленина (санитар Карельского фронта Очир-Горя Болдырев), 3 — Красного Знамени (халхинголец Мутул Калыков, бывший курсант Новочеркасского училища Пюрвя Джалхаев, разведчик Дода Баяртаев), 7 — Отечественной войны II степени, 15 — Славы III степени, 22 — Красной Звезды, 149 медалей «За отвагу», 94 медали «За боевые заслуги»,

33 — «За оборону Ленинграда», 101 — «За оборону Сталинграда», 10 — «За оборону Кавказа», 1 — «За оборону Севастополя», 2 — «За трудовую доблесть». По всей видимости, эти данные также неполные. Как уже упоминалось выше, по подсчетам одного из авторов, в Широлаг было направлено 20 калмыков-кавалеров ордена Славы.

Наконец, последний блок анализа связан со временем (месяцем) прибытия широлаговцев в лагерь (см. таблицу 11), их убытия (см. таблицу 12), а также с регионами убытия (см. таблицу 13).

Таблица 11. Распределение калмыков-широклаговцев по месяцу прибытия

Table 11. Shiroklag inmates — ethnic Kalmyks by month of arrival]

Время прибытия	Количество
январь 1944 г.	3
февраль 1944 г.	10
март 1944 г.	1 583
апрель 1944 г.	541
май 1944 г.	165
июнь 1944 г.	130
июль 1944 г.	101
август 1944 г.	57
сентябрь 1944 г.	44
октябрь 1944 г.	32
ноябрь 1944 г.	14
декабрь 1944 г.	23
1944 г. (без указания месяца)	3
январь 1945 г.	42
февраль 1945 г.	23
март 1945 г.	33
апрель 1945 г.	1
май 1945 г.	3
сентябрь 1945 г.	1
нет данных	276

Как видно из таблицы 11, почти две трети калмыков прибыли в Широлаг весной 1944 г., причем половина — в марте. В этом месяце в лагерь калмыки могли поступать сотнями в день (в других месяцах таких показателей нет). Например, 26 марта поступило 133 калмыка, 28 марта — 320, 29 марта — 216, 30 марта — 125. При этом единичные калмыки начали поступать в лагерь еще в январе и феврале 1944 г. На наш взгляд, сведения о прибытии калмыков в январе (возможно, и в феврале) 1944 г. явно ошибочны. Из трех «январских» широлаговцев двое (М. Д. Ша-

рапов и А. Н. Хараев) поступили из 11-го и 12-го запасных кавалерийских полков, имевших большие контингенты калмыков, которых направляли в лагерь организованно, эшелонами. Очевидно, что здесь имели место опечатки или ошибка писарей или переписчиков. Приведем другой пример. В справочнике «Широлаг. Широкастрой» утверждается, что Ш. М. Налаев поступил в лагерь 26 февраля 1944 г. [Широлаг 2000: 174], однако в его красноармейской книжке четко указано, что он до апреля 1944 г. служил в 33-м отдельном учебном танковом полку.

В последующем небольшие группы калмыков продолжали поступать в Широлаг вплоть до марта 1945 г. После этого наблюдаются лишь единичные случаи поступления калмыков в Широлаг. По данным справочника о воинах 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, летом 1945 г. в Ши-

роклад прибыл польский партизан Д. А. Какушкин [Солдаты Победы 2015: 127]. Однако, согласно справочнику «Широлаг. Широкастрой», Д. А. Кукушкин с совпадающими датой и местом рождения поступил в лагерь 1 февраля 1945 г. и был демобилизован 8 мая 1945 г. [Широлаг 2000: 128].

Таблица 12. Распределение калмыков-широклаговцев по месяцу убытия
[Table 12. Shiroklag inmates — ethnic Kalmyks by month of decommissioning]

Время убытия	Количество
апрель 1944 г.	148
май 1944 г.	1
июнь 1944 г.	2
июль 1944 г.	6
август 1944 г.	4
сентябрь 1944 г.	3
октябрь 1944 г.	2
ноябрь 1944 г.	61
декабрь 1944 г.	105
январь 1945 г.	18
февраль 1945 г.	49
март 1945 г.	347
апрель 1945 г.	40
май 1945 г.	127
июнь 1945 г.	57
июль 1945 г.	90
август 1945 г.	47
сентябрь 1945 г.	24
после сентября 1945 г.	7
1945 г. (без указания месяца)	7

К сожалению, в справочнике сведения по времени убытия имеются примерно у трети широколаговцев. Тем не менее, на наш взгляд, имеющиеся данные вполне репрезентативны для того, чтобы понять динамику убытия калмыков из Широлага. Как видно из таблицы 12, первые отправления калмыков-широклаговцев начались еще в апреле 1944 г.: 148 чел. (и еще 1 — в мае) были направлены в Половинкинский РВК, поскольку были признаны негодными к физическому труду и подлежали демобилизации по инвалидности. По данным Л. С. Бурчиновой, руководившей составительской группой, таких калмыков было еще больше — 187 [Широлаг 2000: 4].

Вплоть до ноября 1944 г. калмыков из лагеря практически не отпускали. Из 17 калмыков, убывших из Широлага в период с июня по октябрь 1944 г., 6 покинули

«зону» благодаря побегу: 2 (А. И. Альчинов и Б. М. Михайлов) бежали в июне (еще двоих поймали и осудили), 2 (Б. Б. Гаряев, М. Б. Нарминов) — в июле, 1 (М. С. Манджиев пытался бежать в июле, но тогда его поймали) — в августе, 1 (В. И. Мишеев) — в октябре [Широлаг 2000: 17, 55, 80, 145, 155, 158, 177, 223]. По всей видимости, побег У. Б. Босхмджиева 23 сентября был неудачным, так как он умер в Широлаге в январе 1945 г. [Широлаг 2000: 66].

19 июля, согласно шифротелеграмме № 2123 заместителя наркома НКВД В. В. Чернышова, калмык П. В. Хомутников был направлен к своему отцу (заместителю командира 206-й и 180-й стрелковых дивизий), на 2-й Украинский фронт [Широлаг 2000: 246], и продолжил воевать. Он оказался единственным калмыком-широклаговцем, которому разрешили вернуться на

фронт, благодаря поддержке О. И. Городовикова.

Восемь калмыков оказались направлены в районный отдел НКВД г. Кизела: трое — в июле, двое — в августе, трое — в сентябре. Лишь двум калмыкам в этот период удалось демобилизоваться из Широkläга: А. Н. Антушкиеву, убывшему из лагеря 16 августа 1944 г., и «активированному» Н. Б. Бадмаеву, убывшему 5 октября 1944 г. с диагнозом «туберкулез легких и дистрофия II степени». Только с ноября 1944 г. начались демобилизации больших групп калмыков — как орденоносцев, так и «активированных».

Уже в начале 1945 г. было принято решение о демобилизации калмыков-широклаговцев. По всей видимости, начальству стала понятна бессмысленность использования и содержания трудармейцев на стройке, которая без турбоагрегатов не могла быть завершена. Однако этот процесс

заметно растянулся. Самая большая группа калмыков была демобилизована в марте 1945 г., но и в последующем из Широkläга продолжали убывать десятки калмыков. В целом демобилизация калмыков из Широkläга завершилась лишь в сентябре 1945 г., когда штабные работники закончили сдачу документов и оформили ликвидацию 1-го и 2-го калмыцких строительных батальонов. В справочнике есть сведения о 7 калмыках, убывших в октябре и декабре 1945 г., феврале и сентябре 1946 г., марте 1947 г. Возможно, здесь имели место опечатки (например, поставили 1945 г. вместо 1944 г.), тем более что один из них убыл по инвалидности. Некоторые калмыки могли продолжать работать как вольнонаемный персонал, например, в военизированной охране. Двое осужденных калмыков вернулись в Широkläг после амнистии и продолжали работать до 1946–1947 гг.

Таблица 13. Распределение калмыков-широклаговцев по региону убытия

[Table 13. Shiroklag inmates — ethnic Kalmyks by territories the decommissioned left for]

Регион убытия	Количество
Алтайский край	580
Красноярский край	616
в том числе в Хакасскую автономную область	144
Новосибирская область	553
Омская область	390
Свердловская область	16
Томская область	40
Тюменская область	286
в том числе в Ханты-Мансийский автономный округ	105
в том числе в Ямало-Ненецкий автономный округ	10
Челябинская область	7
Казахская ССР	89
в том числе в Кызыл-Ординскую область	66
Киргизская ССР	24
в том числе в Пржевальский район	16
Туркменская ССР	5
в Ставропольский край, Молотовскую и Ростовскую обл.	по 3 (всего 9)
в Узбекскую ССР, Башкирскую АССР, Приморский край, Сталинградскую обл.	по 2 (всего 8)
в Украинскую ССР, Татарскую АССР, Грозненскую и Саратовскую обл.	по 1 (всего 4)
в Половинкинский РВК	154
умерли до демобилизации	145
совершили успешный побег	11
арестованы и переведены в другие учреждения	42
вновь направлен на фронт	1
нет данных	105

Большая часть калмыков-широклаговцев оказалась направлена как раз в те регионы, в которых и расселялись основные группы калмыков-спецпоселенцев. Лишь немногим удалось вырваться за пределы этого ареала.

Таким образом, проведенный нами анализ позволил выявить ряд общих и особенных черт у калмыков-широклаговцев, которым в 1944–1945 гг. пришлось преодолеть

немало испытаний. Следует заметить, что калмыки-широклаговцы составляли две трети сержантского и рядового состава воинов-калмыков на начало 1944 г. Поэтому результаты анализа вполне репрезентативны для составления коллективного портрета сержантского и рядового состава воинов-калмыков третьего периода Великой Отечественной войны, однако это уже тема отдельного исследования.

Источники и литература

Всесоюзная перепись 1992 — Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / сост. Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская, А. А. Исупов, И. Н. Киселев. М.: Наука, 1992. 256 с.

Максимов 2010 — Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.

Мы — из высланных 2003 — Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / сост. и ред. П. О. Годаев. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 464 с.

Очиров 2016 — Очиров У. Б. База данных калмыков — кавалеров ордена Славы: опыт составления и статистический анализ // Русская старина. 2016. № 3 (19). С. 218–239.

Очиров 2018 — Очиров У. Б. Жители Калмыкии — кавалеры «полководческих» орденов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 5. С. 27–47. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-27-47.

ПИМА: Ш. М. Налаев — Полевые материалы автора. Информант Ш. М. Налаев, 1925 г. рождения, запись 2004 г. (г. Элиста).

Постановление 1942 — Постановление ГКО № 2484с от 5 ноября 1942 г. «О строительстве средних и малых гидроэлектростанций первой очереди на реках Урала» [электронный ре-

сурс] // Документы советской эпохи. Документальные комплексы / Федеральное архивное агентство. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war//cards/374162/images> (дата обращения: 11.03.2019).

Солдаты Победы 2015 — Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавдивизии / сост. П. Э. Алексеева, А. Т. Баянова, С. А. Заярный, Л. Ю. Ланцанова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с.

Широклаг 2000 — Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. Т. III. Кн. 1 / сост. А. Б. Баирова, Т. Ч. Бембеева, С. Э. Лиджи-Горяева, Р. В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 294 с.

Широковский ИТЛ — Широковский ИТЛ. Справка общества «Мемориал» [электронный ресурс] // Из справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР». URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/r3/r3-464.htm> (дата обращения: 01.02.2019).

Широкстрой 1994 — Широкстрой: Широклаг: Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС / сост. и вступ. ст. Р. В. Неяченко. Элиста: Джангар, 1994 (Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 2). 190 с.

Neyachenko (comps.). Elista: Kalmyk Book Publ., 2000. 294 p. (In Russ.)

[Shirokstroy. Shiroklag: Memoirs of Kalmyk Soldiers – Inmates of Shirokovsky Forced Labor Camp]. R. V. Neyachenko (comp., foreword). Elista: Dzhangar, 1994. (Memorial Book of the Kalmyk People. Vol. 3. Book 2). 190 p. (In Russ.)

[Soldiers of the Victory]. Vol. II: 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. List of Names. P. E. Alekseeva, A. T. Bayanova, S. A. Zayarny, L. Yu. Lantsanova (comps.). 2nd ed., rev. and

Sources and References

Informant: Sh. M. Nalaev, b. 1925. Rec. in 2004, Elista. (In Russ.)

[All-Union Census of 1939: Major Results]. Yu. A. Polyakov, V. B. Zhiromskaya, A. A. Isupov, I. N. Kiselev (comps.). Moscow: Nauka, 1992. 256 p. (In Russ.)

[Shiroklag. Shirokstroy: Kalmyk Soldiers and Non-Commissioned Officers Withdrawn from Active Military Service in 1944–1945. Lists of Names]. Vol. III. Book 1. A. B. Bairova, T. Ch. Bembeeva, S. E. Lidzhi-Goryaeva, R. V.

- suppl. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2015. 373 p. (In Russ.)
- [We Are The Ones Deported Forever: Memoirs of Deported Kalmyks, 1943–1957]. P. O. Godaev (comp., ed.). Elista: Dzhangar, 2003. 464 p. (In Russ.)
- Decree of the State Defense Committee no. 2484c of 5 November 1942 on Construction of Middle and Small Sized First Stage Water Power Plants along Rivers of the Urals. At: Documents of the Soviet Era. Documentary Clusters. Federal Archival Agency. Archives of Russia (website). Available at: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/war/cards/374162/images> (accessed: March 11, 2019). (In Russ.)
- Shirokovsky Forced Labor Camp. At: Forced Labor Camp System in the USSR. International Memorial Association (website). Available at: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/r3/r3-464.htm> (accessed: February 1, 2019). (In Russ.)
- Maksimov K. N. [Great Patriotic War: Kalmykia and the Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Database on Order of Glory recipients — ethnic Kalmyks: compilation and statistical analysis. *Russkaya starina*. 2016. No. 3 (19). Pp. 218–239. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Kalmykia's residents — recipients of orders for military commanding officers. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2018. No. 5. Pp. 27–47. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-27-47

